

Михаил Павлов

Тьма между звезд.

Те существа спустились со звезд и построили здесь свои города. Они не желали ничего брать и умели только создавать и дарить. В них была Сила, они могли защищать, но сами были беззащитны. Поэтому они и были беглецами. Затем из тьмы меж звезд, из ледяной убийственной пустоты за ними пришло Зло. Они сумели загородить собой то, что стало их домом, и тех, кто им этот дом подарил. Они погибли. Зло осталось.

1

Сквозь пелену дождя глухо гудел пароход, человек, кутаясь в насквозь мокрый легкий плащ, все дальше уходил от порта. Он плелся походкой пьяного, инстинктивно сторонясь широких улиц с их вонючими автомобилями и подозрительными полисменами. В подворотнях его рвало чем-то темным, неразличимым в сумерках. Иногда он падал, взрывая лужи, скорчиваясь от боли, истязавшей его. Губы его в обрамлении клочковатой бороды, с которой стекала вода, все время двигались. Он будто бранился с кем-то, кто мучил его. Из-за проливного дождя не видно было, что творилось с его лицом и с его телом под плащом...

Мужчина забрел в заваленный отбросами тупик и опустился без сил на колени. По спине его ходили странные неестественные волны, словно под одеждой по его туловищу ползали змеи. Шумел дождь, заглушая его слова. Казалось, теперь он просит о чем-то. Быть может, молится. Из темных углов тупика на прищельца в упор глядели бездомные собаки, одни из них рычали, другие скулили. Склонив от слабости голову человек что-то шептал, шептал, шептал... Но вдруг со вскриком поднялся на ноги, да так словно кто-то схватил его за воротник и вздернул вверх. Он стонал и снова шел, не разбирая пути. Его вынесло на дорогу, где он тотчас едва не угодил под колеса гремящего грузовика. Пронзительный гудок, слепящий свет круглых фар... Грузовичок проехал мимо, обдав его волной грязной воды из лужи. Снова рыдание смрадного мотора где-то рядом... Только мужчина ничего не видит. Спотыкаясь он бежит куда-то наугад. Врезается в преграду... Что это? Ладонь нащупывает сбоку металлическую ручку и тянет, – это дверь. А за нею... (глаза отходят после вспышки фар и снова начинают видеть) теплый тусклый свет, шелест голосов, музыка, воздух, душный, напитанный пьяным женским смехом, дешевыми духами и табаком. Бордель.

Весь дрожа от не отпускающего цепкого холода странный человек проковылял к крайнему столику и тяжело опустился на стул. Из полумглы появилась вульгарно одетая женщина с подносом. Смерила промокшего беднягу отсутствующим взглядом и... вздрогнула. На секунду ей показалось, что вся одежда посетителя шевелится на нем, как шевелятся белесой кашей черви в разинутом рту мертвеца...

– Холодно, – пробормотал он. Официантка молча поставила перед ним стакан самого недорогого виски и удалилась, ощущая, как мурашки разбегаются по спине и ногам.

Незнакомец, обхватив пальцами стакан, сидел без движения. Широко распахнутые глаза его вперили взор куда-то в темноту. Голова чуть заметно покачивалась вперед-назад. Он кусал губы. Через полчаса так его застала вернувшаяся официантка:

– Что-нибудь будете брать? – кажется, она ошиблась, решив, что посетитель может заплатить за стаканчик виски. Посетитель был явно не в себе. Наверное, придется звать старика Уилли, вышибалу. Незнакомец что-то невнятно просипел, не поднимая на нее глаз.

– Что? – с омерзением в голосе переспросила официантка. Это сипение ассоциировалось у

нее с чем-то ужасным, бледным, тонкокожим, выползающем из ледяного липкого болота...

– Комната.

– У нас не ночлежка, мистер...

– И человека.

– Черт, мужчины здесь этим не занимаются! Возможно, публичный дом – не слишком богоугодное заведение, но... – женщина резко повысила голос. Вот, что не так было с этим парнем. Он просто на просто был извращенцем, проклятым содомитом. Это не убавило гадливости, но все же официантка внутренне вздохнула с облегчением...

– Все равно, кого, – перебил ее сиплый парень. Она крепко выругалась про себя и вслух напомнила:

– Не забудьте расплатиться, мистер.

– От расплаты не уйдешь, – согласился незнакомец, и лицо его скривилось.

Потом к нему подошла другая женщина и увела к лестнице, ведущей во мрак верхнего этажа. Спустя какое-то время к пустому столику вернулась официантка. На всякий случай она протерла стол и взяла стакан, который так и не донес до рта чудной незнакомец. Виски можно было вылить обратно в бутылку. Она глянула на сосуд в руке и не поверила тому, что увидела. Жидкость в стакане более не напоминала виски, пусть и самый дешевый, который подавали в их борделе. Эта гадость меняла цвет. Когда официантка подняла стакан, виски в нем был черный или, быть может, ало-черный, как вино или кровь. От прикосновения виски просветлело до цвета мужского семени, и женщина в ужасе заметила, как что-то подрагивает в загустевшей жиже. Какие-то ярко красные водоросли... Рука задрожала.

– Боже, твою мать, – прошипела официантка и торопливо опустила стакан на стол, чтобы не уронить, но все же сделала это слишком резко. Гнусная субстанция брызнула на деревянную поверхность, а также (пара капель) на тыльную сторону ладони... Женщина видела... Да, она могла поклясться, что видела, как жирные капли растекаются по коже, бегут похотливыми ручейками по руке... вверх... под блузку... Она еще что-то видела, что не могла позже вспомнить. Кто-то касался ее, кто-то тряс, гладил, успокаивал... Что-то стекало по щекам: то ли слезы, то ли клятая мерзкая жижица... Она слышала, как кто-то кричал рядом... Впрочем, это она и кричала.

2

– Диана. Так меня зовут, – не оборачиваясь, представилась она в коридоре, хотя клиент, бредущий следом, не спрашивал ее имени. Он вообще не проронил ни слова. Диана была женщиной легкого поведения, зарабатывала этим на обед с ужином. У нее был опыт, и не было брезгливости. Ей давно было плевать, с кем: слюнявый старикашка или пьяный вдрызг работяга, а то и прыщавый юнец, кончающий менее чем за минуту. Дома ее ждала дочь пяти лет и муж, вкалывающий на фабрике по тринадцать часов за гроши. Они с супругом, кстати, познакомились именно здесь, именно он велел ей тогда, пять лет назад, бросить это порочное ремесло, и она, конечно, бросила. Ну, а потом – куда деваться? – вернулась.

– Как тебя зовут? – спросила она, отпирая дверь, и оглянулась. Она всегда разговаривала с клиентами. Знала, что, если будет разговаривать, то потом они придут снова, именно к ней. Обычно это получалось само собой. Но в этот раз она будто заставляла себя, слова приходилось выжимать, выдавливать... «В конце концов, твоя работа заключается в другом», – успокаивала она себя. Незнакомец, не отвечая, прошел следом за Дианой, и она заперла дверь. Ключ лег рядом на пыльный комод. В комнатке, освещенной большой масляной лампой, по стенам ютились карточный столик, стул с кривыми артритными ножками, тумба – все старое, хлипкое, укрытое нетронутой фатой пыли. Все, кроме кровати. Ей пользовались

довольно часто. Хоть и не меняли посереженного белья месяцами.

Внутренне проклиная все и вся Диана подошла к постели и стала раздеваться, вешая одежду на спинку кровати. «Милой беседы, похоже, не получится, так дьявол тебя побери, давай быстрее покончим с этим!». Нагая, вся в мурашках, она легла поверх одеяла, чуть раздвинув ноги, и взглянула на парня. Тот все стоял у двери. И как-то странно смотрел на нее. Женщине стало противно от этого взгляда, покрывающего ее бледную кожу, ее множественные крупные рассыпанные в беспорядке родинки, ее выпирающие ребра, обвисающую грудь...

– Жарко, – вдруг сказал он.

Диана задрожала всем телом и скорчилась на кровати. Это была дрожь страха и дрожь холода, здесь было холодно и сыро, как всегда в это время года. Но незнакомцу холодно не было. Его лицо темнело и будто разбухало.

– Жарко! – выкрикнул он, словно жалуясь, и принялся стаскивать с себя одежду. Это было ужасно. По его исхудалому телу ползали какие-то разлапистые темно серые и почти черные пятна, похожие на синяки. Сам он весь как-то неестественно и гнусно подрагивал, как будто видимый сквозь слой горячего воздуха.

«Трахни меня и уходи», – взмолилась шлюха мысленно. Но видно было, что он не хотел ее. Ужасный незнакомец широко распахнул рот, и оттуда послышался совершенно чужой хриплый голос, заполняющий все и вся вокруг:

– *Зачем нам трахать тебя, если мы можем убить тебя? Тебя и твоего мужа. Тебя и твою дочь.*

Мужчина не двигал губами, словно вывихнул челюсть, и Диана с ужасом заметила, как что-то хитро поблескивает в том овале темноты... Не зубы, не слюна... Это были глаза, детские глаза, пара лукавых детских глаз, нет, несколько пар... Будто любопытные шкодливые детки пытались заглянуть в запретную замочную скважину, тесно прижимаясь друг к другу лицами...

– *Ты гниешь,* – произнес хриплый голос, и рот незнакомца с хлопком закрылся. Голый человек (*чудовище, монстр!*) словно едва не падал от слабости. Он доковылял до кровати и заполз на нее. Его тело беспрестанно изменялось. Кожа то превращалась в склизкое тесто, то вдруг становилась прозрачной, и тогда Диана видела, как внутренние органы незнакомца распухают, лопаются, растут вновь, перетекают с места на место, сливаются, делятся, как кровавые потоки меняют свои русла, как кости скелета истончаются, свиваются в паутину, волнуются, подобно водорослям на дне океана... Накатывала тошнота. Казалось, эти рвотные позывы не в ней, не внутри нее, а наоборот, вовне. Просто она пропиталась этой отравой, вдохнула ядовитый воздух, который принес в себе этот тип. Стала частью *этого*.

Урод, свесив голову, навис над Дианой. Казалось, он сейчас упадет на нее. На его левом плече появился небольшой нарост, через секунду он разорвался, и показались зубы. Это были губы. Они улыбнулись, и повторили все тем же страшным хриплым голосом:

– *Зачем трахать, если можно убить?*

Голова, с которой исчезли все волосы, склонилась над лицом шлюхи, и она попыталась оттолкнуть мужчину. Ее ладонь уперлась в его грудь. Секунду она держала его на расстоянии, а потом его грудная клетка прогнулась, и холодная похожая на желе кожа потекла по ее руке. Она почувствовала сотни мерзких прикосновений, она заметила, как исчезают ее пальцы... Она выдернула руку, повернулась налево, и ее вырвало на постельное белье. Поэтому Диана не видела, как незнакомец упал на нее.

Лампа угасала. И дело было не в масле. Тьма выдавливала сам свет. Нагой человек сидел на полу, отупело разглядывая пыльные комочки у ног. На кровати трепетала, билась в судорогах женщина. В золотистом сумраке дрожали ее всхлипы, кашель, хрип. Казалось, кто-то душил ее. Мужчина говорил, как будто вспоминая:

- Мы нашли это на глубине полумили. Полость в твердой породе. Судя по всему, естественного происхождения. Гладкая пещера немногим больше этой комнаты, заполненная отравленным от старости воздухом. И больше ничего. Никаких скелетов: ни людей, ни скота, ни даже единой треклятой собаки. Никаких стен, дорог, утвари и прочего, что мы надеялись найти. Никакого города. Легенда, подтвержденная множеством пересекающихся источников, как оказалось, лгала. Мы зря истратили деньги на снаряжение и провиант, зря месили песок, зря обгорали под жестоким солнцем и терпели злой пустынный ветер. Потом, когда уже было неважно, я заметил ошибку в расчетах. Существенную ошибку, которую, казалось, невозможно было проглядеть. Мы начали раскопки значительно севернее. И как результат, не нашли ничего. Или точнее... нашли... *Ничего*. Ту полость в твердой породе... Впрочем, если начистоту, я думаю, что даже копай мы там, где рассчитывали, города бы не нашли. Ведь совсем рядом была эта пустота, эта пещера... Вдруг именно она, *она*, то, что было в пещере вместе с древним непригодным к дыханию воздухом, и сожрало наш город? Конечно, я ни с кем этими размышлениями не делился. К черту, мы вообще едва разговаривали последние дни! Прятались по своим палаткам. Каждый думал, что *это* происходит только с ним! Лихорадка, изменение, просто безумие... Я называл это - *гнуть*. Настал день, когда мы выползли из своих укрытий, чтобы посмотреть друг другу в лица. Был закат, да... Мы разбрелись и бросив лагерь двинулись каждый сам по себе прочь. Не помню, когда лошадь под мной сдохла... Знаю лишь, что до воды я дошел уже пешком. Помню еще, видел один раз в толпе на базаре затылок одного из членов нашей экспедиции... Наверное, он почуял меня раньше, ибо убегал. Или эта штука в нем почуяла меня...

Незнакомец замолк, прислушавшись к жалобным клокочущим звукам, которые издавала проститутка. А потом внезапно вскрикнул со слезами в голосе:

- Я нес *это* в себе пять недель!

И снова молчание, а потом шепот:

- Я нес *это*, и *это* убило меня. Если б я не был нужен, мое тело развалилось бы уже на куски. Моя душа проклята навсегда. Я боюсь смерти. Потому что я знаю, что это такое. Я боюсь смерти... Боюсь смерти... Но так больше нельзя, больше не могу... Только бы вдохнуть чего-то, кроме этой дряни, которая меня заполняла все это время. Только бы выйти и вдохнуть. И можно умереть насовсем. Исчезнуть. Но носить *это* я больше не смогу. Ни за что. Просто не могу.

Женщина на кровати затихала вместе со светом масляной лампы.

4

Высокий долговязый мужчина с проседью в редких волосах, прячущий широкие плечи в поношенном пиджаке, наблюдал за залом. Уилл устал, но при этом (а может, от этого) у него было благостное настроение. Пропустить последний стаканчик "бушмилс" и катиться домой. Плевать, что там никого нет вот уже три года. Элизабет умерла и некому стало ждать супруга с работы по утрам. И пусть он ее любил (поколачивал, тоже было, но все же любил), хорошо, что она умерла. Лучше так, чем смотреть на нее, исхудалую, выцветшую, понимать, что не можешь прокормить их обоих, а вдруг чего доброго опять беременность... Хорошо, что первенец их не прожил и двух недель. Хорошо, что Элизабет умерла. Хорошо, что он остался один... И тоже, наверное, скоро умрет. Впрочем, здоровье у старика Уилла было. И немало.

Правой руки не было, в юности еще потерял, когда пьяному отцу-фермеру помогал строить хлев. Но в остальном здоровье было. Здоровье, сила, кулак. Один за двоих. Это уж все завсегда и борделя знали. Впрочем, поговаривали, будто с возрастом нрав Уилла стал мягче. И это была правда. Поэтому его и стали называть стариком Уиллом.

Ночь подходила к концу, разговоры об истерическом припадке одной из официанток забылись, старик Уилли думал о последнем стаканчике виски, когда... Тот человек появился на лестнице. Он стоял в полумраке. Но Уилл увидел его сразу и тотчас заметил, что на нем нет одежды. Заметил и забыл. Важно было не это... Тот человек улыбался. А потом Уилл увидел *его тень*. Вообще-то тени не должно было быть, не такое освещение было в этом публичном доме, чтобы тени скакали по стенам. Но Уилл увидел эту тень. Она была огромна, она медленно ползла по стене то вверх, то в сторону. Худые руки вытягивались, обнимая зал. Изгибался в странном медлительном танце силуэт... Тот человек стоял на месте, не двигаясь. *Улыбался*. Уилл глядел на него, окаменев. И все, кто был в зале, глядели. И все знали, что это его тень, хватает их. *Он улыбался*. И все слышали его хриплый неправильный голос в своих головах:

- *Вы гниете*.

Потом наваждение исчезло. Как-то внезапно и мягко. Уилл запомнил нелепо изогнутую обнаженную фигуру на ступеньках, расколотый едва ли не на двое череп, очень много крови. Он упал с лестницы, тот человек. Оступился и упал, не прекратив улыбаться. Он, конечно же, умер, и старик Уилл знал, что это хорошо.

5

Уже на следующий день все работающие в публичном доме знали, что погибший у них вчера незнакомец оказался Дэвидом Кмиревичем, молодым археологом, пропавшим несколько месяцев назад вместе со всей экспедицией где-то в пустынях Африке. Это была отличная тема для пересуд и толков, поэтому к вечеру бордель был полон, хотя, казалось бы, люди приходят сюда не для этого... Кстати, было еще о чем посудачить завсегда, - куда исчезла старая шлюха Диана, которая так любила немного поговорить перед делом.

6

По перону скользил злобный осенний ветер. Темными глазами, полными тоски, повсюду рассыпались лужи от вчерашнего дождя. Мучнисто-серое небо налегало своим весом на крыши приземистых домов, на телеграфные столбы, на шляпы прохожих... Кевин весь продрог, пока поджидал свой поезд. Его старое легкое пальто не могло защитить тело от октябрьской сырости. Кевин то и дело прятал рот в перчатку и кашлял. Кашель этот преследовал его еще с лета, но денег на врача не было. А теперь у него вновь стало рвать болью горло, иногда начинался жар, накатывала слабость... Но Кевин продолжал работать, ездить по стране, из города в город, продавать клятые швейные машинки или пытаться продавать. Он не переставал что-то делать. Нет, сэр. Только не он. И вот сейчас Нью-Йорк. Город в грязи и дыму. Большое червивое яблоко. Миллионы людей, которым что-то нужно... Что? Быть может, швейные машинки?

Состав подошел к перону, Кевин нашел свой вагон, протолкался в свое купе, обрадовался отсутствию соседей и расположившись принялся ждать отправления.

7

Глухо и сонно перестукивали колеса. За окном плыла тьма. Кевин О'Молли крепко спал.

8

...Глаза открылись сами собой, без усилия. Дрожащий свет лился из окна. Кевин не сразу понял, отчего проснулся. Поезд стоял. Неясное безотчетное чувство страха заполнило мужчину изнутри. "Эй, приятель, бояться-то нечего!" - сказал себе Кевин и был, конечно, прав, но... "Нужно заснуть". И через некоторое время он задремал. А потом состав снова тронулся.

Кевину снилось что-то маловразумительное... Казалось, что дверь купе с шорохом шарниров отъехала, и внутрь вползло нечто бесформенное и темное. Во сне Кевин притворялся спящим, чтобы ползущая гадость не заметила его. Но нечто поползло прямо к его койке. У Кевина были закрыты глаза, но он видел, как что-то туманное возвышается над ним, касается лица мягкими щекочущими желеобразными пальчиками. Вдруг стало жарко... Невыразимо... Невыносимо... Жарко! Необходимо было немедленно скинуть одеяло... Мрак в купе стало кроваво красным, а жар исходил прямо из мглистой фигуры... Но пальцы, эти мерзкие детские пальчики, они были ледяными!

И тогда Кевин закричал.

В распахнутый рот внезапно забило что-то. Будто тугая струя рвота, бьющаяся не наружу, а внутрь. Это была холодная мертвая рука пришельца. Или, может, какой-то хобот. Тварь забивалась все глубже в горло Кевина, стылая жижка из ужаса, боли и отвращения. "У меня подскочила температура! Это просто простуда!". Чудилось, купе вибрирует, как огромная сокращающаяся кишка... Спустя какое-то время все перевернулось с ног на голову. Кевин не мог понять, стоит ли он или лежит, в каком положении находится, где его ноги, где вообще его тело... Была только непрекращающаяся испуганная вибрация. Туманная фигура исчезла, стала всем окружающим. Купе пыталось пережевать Кевина.

Если бы это был кошмар, то он должен был однажды проснуться.

Если бы это была реальность, то он должен был однажды потерять сознание.

Безумная пляска продолжалась до утра, но на рассвете Кевин О'Молли так и понял, очнулся он или нет.

9

Вулканические взрывы крови и гноя...

Вопли ликующей боли...

Поля, засыпанные расчлененными трупами...

Кто-то думал, что с Этим можно сражаться...

Разложение...

Погибли все и гибнут до сих пор!

Зачем трахать, если можно убить?

Ибо Смерть вечна, как вечна Пустота и Тьма меж звезд...

Стервятники, в ужасе разлетающиеся от груд мертвых тел и падающие еще в полете...

Зачем нам трахать тебя, если мы можем убить тебя?

Сотни глоток кричат...

Тебя и твоего мужа.

Гнев, страх, яркий свет...

Бессмыслица топора...

Ибо Смерть вечна!

Смешение, смещение, разрыв...

Тебя и твою дочь.

Раны... Рвота...

*Разложение мысли...
Кто-то пытался убежать...
Ты гниешь...
Зачем же трахать, если можно убить?!
Сотни улыбок, с которых стекает кровь...
Вы гниете...
Волны, вспышки, грохот...
Тишина.
Шаги.*

10

Кевин поднял глаза вверх. Над ним было небо, исчерченное двумя черными пальцами фабричного дыма. Низко пролетал четырехкрылый самолет, волоча за собой какой-то длинный рекламный плакат. Кевин рывком встал, по всей коже выступил пот, и взгляд на мгновение померк... Темная болотная слабость... Ладонь оперлась о сырую кирпичную стену, через несколько секунд Кевин вздохнул и огляделся, не веря себе. Он стоял в каком-то узеньком переулке, и два здания (какие высокие!) будто напирали на него с двух сторон. Впереди слышались пронзительные гудки автомобилей, шелест молчаливо спешащих толп, крики газетчиков... "О, Боже, это Нью-Йорк..." - понял Кевин и вновь едва не упал. К горлу подкатила тошнота, но это не было обычной тошнотой, подумал Кевин, это было *оно*, жидкая рука...

Он совсем не помнил, как покинул поезд и, тем более, забрел сюда. Какой это вообще район? Ведь Нью-Йорк огромен... Бруклин? Может быть, Бронкс? Кевину раньше не приходилось посещать Большое Яблоко, он вообще боялся больших городов... Но теперь ему стало по-настоящему страшно. Стали приходить воспоминания о жутком горячечном бреде прошлой ночи. Он вспомнил, что на утро кто-то сидел на соседней койке в одном с ним купе. Незнакомец словно спал, свесив голову на грудь, закутавшись в какие-то мешковатые обноски. Словно спал, да?.. Но Кевин уже знал, что сосед мертв, как мертвая брошенная марионетка. Зачем Кевин смахнул с незнакомца нахлобученную на глаза кепку? Кепка упала на колени, человек не двинулся, не поднял головы, он и в правду был мертв. И еще это была женщина. Кевин только теперь осознал, что на голове у него нет его шляпы, с ним нет его вещей, нет товара. И не это было самым плохим...

Где-то в глубине себя самого он все время слышал бормочущий хриплый *голос*.

11

Кевин О'Молли, мужчина тридцати девяти лет, американец, уроженец тихого города Гранд-Айленд в штате кукурузных листьев, как называют Небраску, пять последних лет отдавший низкооплачиваемой работе коммивояжера, брел по грязной улице Нью-Йорка, вдыхал зловоние Нью-Йорка и думал о своей жене и детях, их у него было семеро. И они по-настоящему ждали его, он это чувствовал. Впервые за свою жизнь Кевин, *почувствовал* своих детей. И захотел к ним. Он плакал. Он сквернословил, пытаясь заглушить *голос*, рычал, вскрикивал. Плакал как ребенок. Потому что уже понимал, что не может вернуться домой. Нет, сэр. Только не он.

Эта тварь в нем, она не была разумна. Она сводила с ума, это точно, но и сама была сумасшедшей. Дьявол, это была самая суть безумия! Болезнь, которой страдал не столько мозг, сколько сама реальность. Но у этой штуки были и желания. Она хотела, чтобы Кевин шел. Куда угодно! К примеру, к родным, по которым он внезапно так заскучал... Возможно,

оно само и вытащило на свет Божий любовь Кевина к своей семье, чтобы заставить его идти. Впрочем, у *него* были и иные методы принуждения. Например, боль.

И Кевин сгибался оттого, что что-то разрывалось в животе. Его ребра выворачивались, кожа сползала с лица, нечем становилось дышать, яички сами собой сжимались, как в тисках... Кевин шел, но шел не туда, куда хотело *его безумие*... Безмозглая тварь не понимала, зачем и куда, знала только, что ее обманывают, потому что это знал Кевин. Она читала его мысли, но едва разбиралась в них. О, она ненавидела его мысли, она давила их, как червей... А они расплзались, спрятались...

Он не хотел такой участи для своих детей.

Не хотел!

Нет, сэр. Только не он.

Уже расплзалось багряное пятно заката, Кевин стоял на Шестьдесят первой улице и задирал голову, высматривая окончание гигантского здания с множеством окон. Отель "Дельфин". Нечто, засевшее в Кевине с прошлой ночи, затаилось. Оно и хотело сюда и нет. Там было много людей, это хорошо, но и что-то было не так... Был какой-то подвох... Улыбаясь, как улыбался Дэвид Кмиревич перед тем, как разmozжить голову о ступени на лестнице борделя, Кевин двинулся к швейцару, стоящему у дверей. День в Нью-Йорке сильно изменил и без того не слишком-то обеспеченный вид Кевина О'Молли: дешевое пальто ободралось, брюки были замараны в грязи по колени, встрепанные волосы, искусанные в кровь губы, растянутые в наполненной каким-то зловещим счастьем улыбке. Совершенно ясно, что швейцар в роскошной черной с золотом форме должен был преградить наглецу путь. И он преградил. На секунду. А потом отпрянул, белый как мел, с дрожащим ртом. Фуражка слетела с его головы от резкого движения и плюхнулась в лужицу. Швейцар не заметил этого, продолжая глядеть на незнакомца выпученными глазами. Кевин прошел мимо него и в первый и последний раз коснулся дверей отеля "Дельфин", распахивая их перед собой.

12

Тусклый желтый свет отраженного от обоев заходящего солнца покрывал его с головы до пят. Он лежал не раздеваясь на оранжевом покрывале большой двуспальной постели в спальне номера, который был ему не по карману. Ему просто нужно было спрятаться. И поспать. Последние годы он стал страдать бессонницей, что, впрочем, не удивительно для мужчины его возраста. Словом, работая коммивояжером и торгуя швейными машинками, он всегда возил с собой упаковку снотворного. Тоже, кстати, весьма дорогое удовольствие, да и результат весьма эфемерный. Такой сон не приносил отдохновения, но все же был сном. Конечно, Кевин никогда не клал таблетки в пальто, они всегда были в одном из его старых чемоданов. Вещи утеряны, а снотворное оказалось во внутреннем кармане пальто. Одному Богу известно, как.

Теперь пустая упаковка лежала на прикроватном столике, рядом с полупустым кувшином для воды.

13

Разложение...

Зачем трахать, если можно убить?

Смердящие трупы богов...

Течение, водоворот, желтое болото...

Живые камни, живые реки, живая пустота...

*Кровь на алтарях...
Сопrotивление, преодоление, разрушение...
Безумие на алтарях...
Каждая частица твоего тела желает лишь одного - распасться.
Искажение...
Заперт! Заперт! Клетка!
Ты гниешь...*

14

С комнатой что-то происходило.
Бестия выползла из Кевина и превратилась в кровать, а кровать стала трепещущим оранжевым языком, исходящим слюной. Оно текло дальше, пропитывая собой ковер, заставляя двигаться каждую ворсинку. В каждой ворсинке была отдельная бессмысленная жизнь, и Кевин чувствовал это, ибо безумие тащило его сознание за собой. По стенам пробегали мягкие тошнотворные судороги, там под обоями угадывались очертания больших (с руку величиной) личинок, они шевелились, переползая вслепую со стен на потолок и обратно. В гостиной оседал письменный стол, рывками уходя в жидкий чавкающий пол. На все это глядели пустые картины. На них ничего уже не изображалось, просто сменяющиеся с морганием цвета: зеленый, желтый, оранжевый, красный, черный, желтый, желтый...

Кевин уже не мог думать о своих детях. Он не помнил их.

Он хотел только одного: встать и убежать отсюда. Рассеять это зло повсюду, плевать. Главное, чтобы *его* стало меньше в нем, хоть на каплю. Да, каплю... Яростно желтого цвета яда... Капля кислоты, прожигающая сосуд, стол, подставленную ладонь... Что-то вдавливается в мысли, мелко шевеля миллионами крохотных ножек, волочащих тяжелое белесое тело...

И внезапно Кевин увидел издалека оставленный дом. Его дом. Его жену. Его семерых детей. Коснулся каждого взглядом, каждого назвал по имени. И тело его, отравленное смертельной дозой снотворного, прекратило, наконец, жить.

15

Высокие темно синие волны поднимались и опадали. Хотя нет, не опадали. Волны двигались, поднимались, но не меняли своего расположения по отношению к борту парохода. Волны замерли в движении. И это было гнусно, потому что волны были нарисованными. Ветра не было. Невдалеке стояла женщина, чем-то смутно знакомая, и глядела вдаль, где темнело мертвое штормовое небо. Мужчина средних лет блуждал по палубе, как пьяный, бормоча под нос чьи-то имена.

Девид Кмиревич больше не улыбался. Он все понял. Даже если *она* выйдет из тебя, *она* никогда не выйдет из тебя. Даже если ты выйдешь из *него*, ты никогда не покинешь *его*. Девид слышал, как где-то скрежещет ключ, и щелкает замок. Кмиревич махал руками и кричал, пытаясь предупредить. Сейчас все проснется, сейчас все задышит. Сейчас все станет умирать. Сейчас придет оно, что-то действительно страшное.

Тихо закрылась дверь. В номере 1408 появился новый постоялец.

Конкурс "Фэнфики по произведениям Стивена Кинга 2008"
Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру – Творчество Стивена Кинга" – <http://www.stephenking.ru/>
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" – <http://www.kingclub.ru/>
и "Stephen King Russian Site – Русский сайт Стивена Кинга" – <http://stking.narod.ru/> .

Кевин О'Молли